

«МАСТЫЦА»

сказочная повесть
в свободной
3.3. Задунайской и А. Любарской
обработке

рисулки Э. Булатова
и О. Васильева

«Малыш» Москва

СЕЛЬМА

ЛАГЕРАЭФ

СУДЕСНОЕ

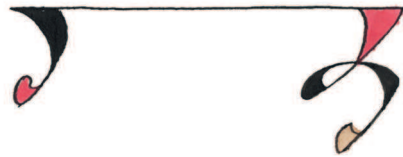
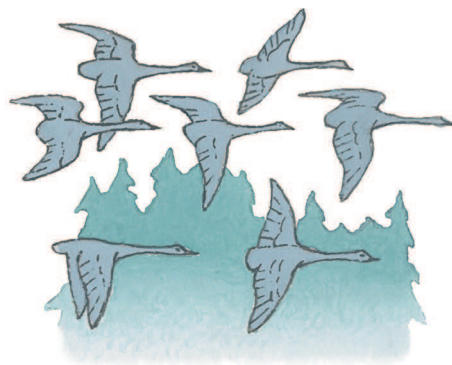
путешествие

Нильса

с
дикими

гусями.

«МАСТЫН»

1

маленькой шведской деревушке Вестменхёг жил мальчик по имени Нильс. С виду — мальчик как мальчик. А сладу с ним не было никакого. На уроках он считал ворон и ловил двойки, в лесу разорял птичьи гнёзда, гусей дразнил, кур гонял, а в коров бросал камни. Так прожил он до двенадцати лет. И тут случилось с ним необыкновенное происшествие. Дело было так.

Нильс сидел дома один.

День был воскресный, и отец с матерью ушли в соседнюю деревню на ярмарку. Нильс тоже собирался с ними. Он даже надел свою праздничную клетчатую рубашку с большими, как бляхи, перламутровыми пуговицами и новые кожаные штаны. Но пощеголять своим нарядом на этот раз ему не удалось.

Как назло, отцу вздумалось перед самым уходом проверить его школьный дневник. Отметки были ничуть не хуже, чем на прошлой неделе, — даже, пожалуй, лучше: три двойки и одна единица. Да разве отцу угодишь?

Отец приказал Нильсу сидеть дома и учить уроки.

Конечно, можно было и не послушаться, но отец недавно купил широкий жёсткий ремень с тяжёлой медной пряжкой и обещал обновить его на спине у Нильса при первом же удобном случае. Что тут поделаешь!

Нильс уселся за стол, раскрыл книжку и... принялся глядеть в окно.

Снег, пригретый мартовским солнцем, уже растаял.

По всему двору весело бежали мутные ручьи, разливаясь широкими озёрами.

Куры и петухи, высоко подбирая лапы, осторожно обходили лужи, а гуси смело лезли в холодную воду и барахтались в ней и плескались, так что брызги летели во все стороны.

Нильс и сам был бы не прочь пошлёпать по воде, если бы не эти несчастные уроки.

Он тяжело вздохнул и с досадой уставился в учебник.

Но вдруг скрипнула дверь, и в комнату проскользнул большой пушистый кот. Нильс очень ему обрадовался. Он даже забыл про все ссадины и царапины, которые остались ему на память об их последней битве.

— Мур-мур-мур! — позвал Нильс кота.

Увидев Нильса, кот выгнул горбом спину и попятился к двери — он хорошо знал, с кем имеет дело. Да и память у него была не такая короткая. Ведь ещё и трёх дней не прошло, как Нильс спичкой опалил ему усы.

— Ну, иди же, иди, мой котик, иди, котище! Поиграем немножко, — уговаривал его Нильс.

Он перевесился через ручку кресла и легонько пощекотал кота за ухом.

Это было очень приятно: кот сразу размяк, замурлыкал и стал тереться о ногу Нильса.

А Нильс только того и ждал.
Раз! — и кот повис на своём собственном хвосте.

— Мя-а-а-у! — пронзительно заорал кот.

— Ай-я-яй! — ещё громче закричал Нильс и отшвырнул кота: извернувшись в воздухе, кот всё-таки успел погладить Нильса своими когтями.

На том игра у них и кончилась.

Кот удрал, а Нильс снова уткнулся в книгу.

Но прочёл он немного.

Буквы стали почему-то прыгать перед глазами, строчки то сливались, то разбегались... Нильс и сам не заметил, как он уснул.

2

Спал Нильс недолго — его разбудил какой-то шорох.

Нильс приподнял голову. В зеркале, которое висело над столом, отражалась вся комната.

Вытянув шею, Нильс стал внимательно всматриваться в зеркало.

В комнате никого не было.

И вдруг Нильс увидел, что сундук, в котором мать хранила свои праздничные платья, почему-то открыт.

Нильс испугался. Может быть, пока он спал, в комнату забрался вор и теперь прячется где-нибудь здесь, за сундуком или шкафом?

Нильс съёжился и затаил дыхание.

И вот в зеркале мелькнула тень. Ещё раз мелькнула. Ещё...

По краю сундука кто-то медленно и осторожно полз.

Мышь? Нет, не мышь.

Нильс прямо впился глазами в зеркало.

Что за чудо! На краю сундука он ясно разглядел маленького человечка. На голове у этого человечка был остроконечный колпачок, долгополый кафтан доходил до самых пят, на ногах были красные сафьяновые сапожки с серебряными пряжками.

Да ведь это гном! Самый настоящий гном!

Мать часто рассказывала Нильсу о гномах. Они живут в лесу. Они умеют говорить и по-человечьи, и по-птичьи, и по-звериному. Они знают о всех кладах, которые лежат в земле. Если захотят гномы — зимой на снегу цветы зацветут, захотят — летом реки замёрзнут.

Но зачем гном забрался сюда? Что ищет он у них в сундуке?

— А ну-ка, постой! Вот я тебя сейчас, — прошептал Нильс и сдёрнул с гвоздя сачок для ловли бабочек.

Один взмах — и гном забился в сетке, как пойманная стрекоза. Колпачок его съехал на нос, ноги запутались в широком кафтане. Он беспомощно барахтался и размахивал руками, пытаясь схватиться за сетку. Но чуть только ему удавалось привстать, Нильс встряхивал сачок, и гном опять срывался вниз.

— Послушай, Нильс, — взмолился, наконец, гном, — отпусти меня на волю! Я дам тебе за это золотую монету, да такую большую, как пуговица на твоей рубашке.

Нильс на минутку задумался.

— А что ж, это, пожалуй, неплохо, — сказал он и перестал раскачивать сетку.

Цепляясь за редкую ткань, гном ловко полез вверх. Вот он уже схватился за железный обруч, и над краем сетки показался его колпачок...

Тут Нильсу пришло в голову, что он продешевил. Вдобавок к золотой монете можно было ведь потребовать, чтобы гном учил за него уроки. Да мало ли что ещё можно придумать! Гном теперь на всё согласится! Когда сидишь в сачке, торговаться не станешь.

И Нильс снова тряхнул сеткой.

Но вдруг он получил такую здоровенную затрещину, что сетка выпала у него из рук, а сам он кубарем откатился в угол.

3

С минуту Нильс лежал не двигаясь, а потом, кряхтя и охая, встал.

Гнома уже и след простыл. Сундук был закрыт, а сетка для бабочек висела на своём месте — между окном и шкафом.

— Приснилось мне всё это, что ли? — сказал Нильс и, прихрамывая, поплёлся к своему креслу.

Он сделал два шага и остановился. С комнатой что-то случилось. Стены их маленького домика раздвинулись, потолок ушёл высоко вверх, а кресло, на котором Нильс всегда сидел, возвышалось перед ним неприступной горой. Чтобы взобраться на него, Нильсу пришлось карабкаться по витой ножке, как по корявому стволу дуба.

Книга по-прежнему лежала на столе, но она была такая огромная, что вверху страницы Нильс не мог разглядеть ни одной буквы. Он улёгся животом на книгу и медленно пополз от строчки к строчке, от слова к слову.

Он прямо вспотел, пока прочёл одну фразу.

— Что за чертовщина! Так ведь я и к завтрашнему дню до конца страницы не допозну, — сказал Нильс и рукавом отёр пот со лба.

И вдруг он увидел, что из зеркала на него смотрит крошечный человечек — совсем такой же, как тот гном, который попался к нему в сетку. Только одет по-другому: в кожаных штанах и в клетчатой рубашке с большими пуговицами.

«Да тут ещё один! — подумал Нильс. — И вырядился-то как! Точно в гости пришёл!»

— Эй, ты, чего тебе здесь надо? — крикнул Нильс и погрозил человечку кулаком.

Человечек тоже погрозил Нильсу кулаком.

Нильс подбоченился и высунул язык. Человечек тоже подбоченился и тоже показал Нильсу язык.

Нильс топнул ногой. И человечек топнул ногой.

Нильс прыгал, вертелся волчком, размахивал руками, но человечек не отставал от него. Он тоже прыгал, тоже вертелся волчком и размахивал руками.

Тогда Нильс сел на книгу и горько заплакал. Он понял, что гном заколдовал его и что маленький человечек, который смотрит на него из зеркала, — это он сам, Нильс Хольгерсон.

Поплакав немного, Нильс вытер глаза и решил идти искать гнома. Может быть, если хорошенько попросить прощения, гном снова превратит его в мальчика?

Нильс выбежал во двор. Перед домом прыгал воробей.

Чуть только Нильс показался на пороге, воробей вспорхнул на изгородь и закричал во весь свой воробьиный голос:

— Посмотрите-ка на Нильса! Посмотрите-ка на Нильса!

А куры захлопали крыльями и наперебой закудахтали:

— Так ему и надо! Так ему и надо!

И удивительное дело — Нильс прекрасно всех понимал.

Гуси обступили Нильса со всех сторон и, вытягивая шеи, шипели ему в самое ухо:

— Хорош! Ну уж хорош! Что, боишься теперь? Боишься? — И они клевали его, щипали, долбили клювами, дёргали то за руки, то за ноги.

Бедному Нильсу пришлось бы совсем плохо, если б в это время над их деревней не пролетала стая диких гусей. Они летели высоко в небе, вытянувшись правильным треугольником, но, увидев своих родичей — домашних гусей, — спустились ниже и закричали:

— Га-га-га! Летите с нами! Летите с нами! Мы летим на север, в Лапландию! В Лапландию!

Домашние гуси сразу забыли про Нильса. Они заволновались, загоготали, захлопали крыльями, как будто пробовали, могут ли они взлететь. Но старая гусыня — она приходилась бабушкой доброй половине гусей — бежала вокруг них и кричала:

— С ума сошли! С ума сошли! Не делайте глупостей! Ведь вы не какие-нибудь бродяги, вы почтенные домашние гуси!

А потом задрала голову и закричала в небо:

— Нам и тут хорошо! Нам и тут хорошо!

Только один молодой гусь не послушался советов старой ба-

бушки. Широко расправив большие белые крылья, он стремительно побежал по двору.

— Подождите меня, подождите меня! — кричал он. — Я лечу с вами! С вами!

«Да ведь это Мартин, лучший мамин гусь, — подумал Нильс. — Чего доброго, он и в самом деле улетит!»

— Стой, стой! — закричал Нильс и бросился за Мартином. Нильс едва догнал его. Он изловчился, подпрыгнул и, обхватив руками длинную шею Мартина, повис на нём. Но гусь даже не почувствовал этого, точно Нильса и не было. Он сильно взмахнул крыльями — раз, другой — и, сам того не ожидая, взлетел в воздух.

Прежде чем Нильс понял, что произошло, они уже были высоко в небе.

1

Ветер бил в лицо, рвал волосы, выл и свистел в ушах. Нильс сидел верхом на гусе, как всадник на скачущем коне: он вобрал голову в плечи, съёжился и всем телом припал к шее Мартина. Руками он крепко вцепился в гусиные перья и от страха зажмурил глаза.

— Сейчас упаду, вот сейчас упаду, — шептал он при каждом взмахе больших белых крыльев. Но прошло десять минут, двадцать, а он не падал. Наконец он расхрабрился и чуть-чуть приоткрыл глаза.

Справа и слева мелькали серые крылья диких гусей, над самой головой Нильса, чуть не задевая его, проплывали облака, а далеко-далеко внизу темнела земля. Она была совсем не похожа на землю. Казалось, что кто-то разостлал под

ними огромный клетчатый платок. Одни клетки были совсем чёрные, другие — желтовато-серые, третьи — светло-зелёные.

Это были луга, покрытые едва пробивающейся травой, и только что распаханное поле.

Поля сменялись тёмными лесами, леса озёрами, озёра снова полями, а гуси всё летели и летели.

Нильс совсем приуныл.

«Чего доброго, они и в самом деле занесут меня в Лапландию!» — подумал он.

— Мартин! Мартин! — крикнул он гусю. — Поворачивай домой! Хватит, налетались!

Но Мартин ничего не ответил.

Тогда Нильс изо всей силы пришпорил его своими деревянными башмачками.

Мартин чуть-чуть повернул голову и прошипел:

— Слушай, ты! Сиди смиренно, а не то вот сброшу тебя... Тогда полетишь вверх тормашками!

Пришлось сидеть смиренно.

2

Весь день белый гусь Мартин летел вровень со всей стаей, будто он никогда и не был домашним гусем, будто он всю жизнь только и делал, что летал.

«И откуда у него такая прыть взялась?» — удивлялся Нильс.

Но к вечеру Мартин всё-таки стал сдавать. Теперь-то всякому было видно, что летает он без году один день: то вдруг отстанет, то вырвется вперёд, то как будто провалится в яму, то словно подскочит вверх.

И дикие гуси тоже увидели это.

— Акка Кнебекайзе! Акка Кнебекайзе! — закричали они.

— Что вам от меня нужно? — крикнула гусыня, летевшая впереди всех.

— Белый отстаёт!